
НЕТ УЗ СВЯТЕЕ ТОВАРИЩЕСТВА!
Братишка
ЖУРНАЛ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
СПЕЦНАЗ, КОТОРЫЙ НЕ ВЕРНЕТСЯ
РАНЕНЫЙ, НО НЕ СДАВШИЙСЯ

ЗОЛОТЫЕ ЗВЕЗДЫ СПЕЦНАЗА: ПОЛЕ БОЯ — N-ский КВАРТАЛ

В Лужниках, в зале «Дружба» был «Русский бой». На трибунах сотни крутоплечих двухметровых спецназовцев. Многие — калачи тертые, знают себе цену. В перерыве, в буфете группа таких мужиков в камуфляже, шумно вспоминавшая какую-то историю, вдруг притихла — увидели невысокого паренька в краповом берете и со Звездой Героя России. «Братишка, ты откуда?» — «Отряд «Росич», внутренние войска». — «Знаем, слышали. А звезду за что получил?» — «Да было дело. В Грозном...»

Когда получили задачу, майор-разведчик посмотрел маршрут по карте. В принципе все понял. Предстояло выдвигаться в ту часть Грозного, где он когда-то ходил в школу. В душе — и тревога, и азарт, и желание посмотреть знакомые места, и предчувствие чего-то страшного, непредсказуемого...

Командование предполагало, что в Грозном внутренние войска будут встречать толпы, которые надо разгонять бескровно, расчищать спецсредствами путь для колонн армейской бронетехники. Ожидались «массовые беспорядки». Не ожидалось войны такой, какая случилась...

Тридцатого декабря после обеда вышли на кладбище, к окраине города. Там спецназу уточнили по радиостанции задачу — выдвигаться к консервному заводу. Поначалу все были на броне. В городе пальба, пожары. Первый раз их обстреляли со стороны молочного комбината. Залезли под броню. На улице Горской увидели машину космической связи, из кабины которой свисал убитый водитель, а рядом лежал с простреленными ногами капитан-связист. В него, чуть шевельнется, стрелял снайпер со стороны молкомбината. Подлетели. Сначала прикрыли его бортом БТРа, а потом затащили внутрь, начали бинтовать. Повезло — у «духов», видно, гранатометов под рукой не оказалось. Капитан подтвердил, что командование уже на «консервке». Ну, раз командование там, значит, и медики есть. Подцепили машину связиста и рванули на консервный.

Не успели отдышаться и рассмотреть портреты Дудаева на проходной, как подбегают армейцы: «У вас снайперы есть? По нам работают снайперы, ребята, помогите». Снайпер Виталя Бабаков с напарником, Мишей-сибиряком залезли на крышу и часа два, пока окончательно не стемнело, охотились. Их «духовский» визави, работал грамотно — стрелял из глубины здания, не высовываясь в окно, чтобы вспышки не было видно. Но и наши охотники не лыком шиты: Виталик того «духа» уделал, когда тот менял позицию и самую малость засветился в оконном проеме.

Командир армейский быстро усек, что вэвэшники воевать умеют: «Раз спецназ — помогайте». Его бойцы двигались по Первомайской в район 1-й горбольницы и за один квартал до нее встали. Он и говорит командиру группы спецназовцев: «Идешь по Первомайской до нашего тыла, там тебе задачу поставят».

Рванули по Маяковского к площади Дружбы народов. Первым шел БТР Миши Немыткина, с ним Бабаков, на втором — майор со старшим лейтенантом Матвеевым. Совсем уже стемнело. Первый раз по ним влупили из гранатомета с Дома печати. Граната скользнула по корме переднего БТРа и ушла в землю, шов на броне сантиметров на десять разошелся. Дым, копоть. Из окон по ним стреляют, но наши тоже в долгу не остаются. Хотя силы явно неравные. В тот момент они ходили по самому-самому краю. Еще минута и...

Риск, круто замешанный на отваге, должен быть оправдан, должен быть хоть какой-то полезный результат. Развернулись, ушли назад. На базе майор доложил, что пройти не

смогли и БТР подбит. Тут началось: «Трусы! Какой вы, на хрен, спецназ?!» Припомнили даже заградотряды НКВД: «Вы только за спинами можете ходить». Потом какой-то умник стал в карту тыкать: «Ну покажи, командир, как ты шел?» Майор ему: «Вы мне не тычьте и не тыкайте, я вырос здесь и в школу ходил, эти улицы до последнего закоулка знаю. И как здесь ходить знаю, и с кем». Короче, облаяли друг друга. Так прошло тридцатое декабря...

Утром 31-го пошли вместе с мотострелковым полком к центру. Продвигались медленно, но верно. Теперь уже армейцы — и ротные, и комбаты — ничего плохого о вэвэшниках не болтали: сами видели, что спецназ с пехотой в одном дерьме валялись, в тылу не отсиживались. Там и собровцы действовали толково — тут же подчищали, вытаскивая боевичков на свет Божий.

К обеду встали метрах в семидесяти от здания горбольницы. Одно здание было практически разрушено. «Духи» засели в главном корпусе, что на углу улиц Лермонтова и Гикало, и вели оттуда интенсивный огонь. Тут вот и получили спецназовцы задачу аховую — штурмом взять это гнездо боевиков. Командир 81-го мотострелкового полка там собирался устроить свой командный пункт. Он и говорит майору: «Все, спецназ, штурмуешь ты».

Произвели расчет сил и средств, стали кумекать — что имеем, и как быть. Майор сделал ставку на своих снайперов. И они не подвели, славно поработали. В общем, штурманули удачно: своих не потеряли никого, а внутри здания обнаружили четырех убитых боевиков. Одетые в армейский камуфляж, с оружием, не мирные. Судя по всему, кое-кого «духи» успели и утащить с собой. Двое убитых были гранатометчиками. Их-то и сняли первыми снайперы — у обоих смертельные ранения в голову.

В соседнем здании «скорой помощи» нашли еще три трупа боевиков. Их тоже снайперы при штурме сняли. К вечеру во внутренний двор горбольницы подтянулась бронетехника армейцев — несколько танков и БМП.

Майор, который рассказывал о черных днях на переломе 94-го и 95-го, то и дело хвалил своих снайперов. В каждом эпизоде тех боев в Грозном они играли одну из главных ролей, своими действиями не только обеспечили успех штурмов, прорывов, но и спасли жизни многим братишкам.

Майор отлично помнит, как в первый раз подходили к консервному заводу. Перед самым поворотом к нему с жилой трехэтажки прицельно «мочили» «духи». Тут неожиданно возникает армейская БРДМ, из нее высовывается офицер: «Где тут консервный завод?» Майор ему: «Да вот он, брат, в тридцати метрах». В этот самый момент по БРДМке плотно начали стрелять с трехэтажки. Вот здесь Бабаков и показал свой класс...

Что в нем все отмечают — так это спокойствие. Никогда в бою не дергался, не терялся. Стремился не только уйти из-под обстрела, но и занять выгодную позицию.

«Мочиловка» пошла, — вспоминает майор подробности того боя у консервного, — все с БТРа посыпались как горох, и я в том числе. А Виталик прыгает мягко, винтовку прижимает к себе, как ребеночка. Лег у бэтээра, выставил СВДэшку в сторону здания и приложился к прицелу. Потом уже о себе мысль: «Вот, елки-моталки, на полкорпуса из-за колеса нарисовался. Опасно!» Оглядев свое поле боя через прицел, отодвинулся за колесо. Я точно не скажу, но трех «духов» он в том бою железно положил. Когда боевики получили по мозгам, их огонь поутих, нам стала помогать армейская БРДМка из своего пулемета. Вскоре из здания стали выбегать душманы, и наш старлей Матвеев не растерялся, закинул во дворик парочку гранат...»

Значит, взяли они комплекс больничный. Чуть отдышались. Тут прибегает старушка чеченка: «Ребята, через улицу, в соседнем доме, четверо ваших раненых, в такой же форме». Наши были в «снеге». Свои все на месте, но, может, собровцы погибают? О провокации, о подставке, тогда и мысли не было. Майор направил старшего лейтенанта Немыткина с солдатами.

В подвале лежали четыре мертвых чеченца. Немыткин взял их документы — все из чеченского спецназа. В куртках зеленые удостоверения с вытесненным волком...

Оружия при них не было. На обратном пути группа попала под обстрел — все-таки подставила их старуха. Перебегали улицу грамотно, как положено, прикрывая друг друга. Но рядового Пьянкова «духи» все же достали: две пули 5,45 в левую ногу и левую руку. Он упал между зданием ПТУ и крайним левым корпусом больницы. Виталик, узнав о случившемся, быстро залетел в боковую комнату больницы и припал к окну. Чеченцы, видя, что раненый лежит посреди улицы и сам передвигаться не может, выжидали. Двое наших находились на одной стороне улицы, двое других, в том числе Немыткин, прикрывали Пьянкова с другой стороны. Боевики начали стрелять из двух частных домов напротив перекрестка. Спецназовцам отвечать было неудобно — сектор ведения огня ограниченный. А Виталик как раз оказался чуть ли не во фланге у «духов», да еще сверху. Боевики вылезли из дома, решив, что наши ведут лишь отвлекающий огонь. Хотели добить раненого или в плен взять. Виталик как снайпер все прокрутил в голове моментально. Бабаков на таком расстоянии в метров сорок ошибиться-промахнуться просто не мог. Два метких выстрела — два боевика упали, остальные побежали прятаться в здание. В этот момент Немыткин с солдатом и вытащили Пьянкова...
1 января нового 1995 года опять пришлось идти к этому больничному комплексу: провели туда штаб 81-го полка. Там уже обосновалась и группа спецназа из армейской бригады. В этот день вели перестрелку из здания больницы и подчищали близлежащие улицы. В основном велся автоматический одиночный и снайперский огонь, опять работал Виталик и его коллеги.
Даже в самые трудные минуты мыслей об отходе у майора не было. Чего скрывать, закипело в нем зло: был в их сводном отряде уже первый убитый, раненые появились. Да и дом родной, который он разглядел в бинокль с «консервки», хотелось увидеть. Но главное — его знание города и навыки разведчика могли пригодиться армейцам. Поэтому, собрав маленький «совет в Филях», посоветовавшись с офицерами, принял решение помогать пехоте до конца.
В ночь с первого на второе они выручили четырнадцать бойцов из печально известной 131-й майкопской бригады. Те, вырвавшись из огневой западни новогоднего «фейерверка», заблудились впотьмах в незнакомых улицах, свалились на БТРе в Сунжу с разбитого моста. Благо глубина там небольшая, все вылезли, но оружие потопили. Боевое охранение спецназовцев уже собиралось вести огонь на поражение, приняв их за бандитов. Слава Богу, разглядели в «ночники» своих. Вытащили, обогрели, переодели в сухое, накормили и даже вооружили трофейными автоматами.
Ближе к полудню 2 января собрались, наконец-то, пообедать. Виталик с Матвеевым только банки сухпая вскрыли, как буквально в метре от них в асфальт втыкается 82-мм мина. Как она летела не было слышно из-за сильной стрельбы в городе. Хлопок с металлическим взвизгом. Матвеев падает — осколок срезал лямки бронежилета, прошел над пластинами и практически разворотил все плечо, всю лопатку. Над ним на коленях склонился Виталик, зажимая рукой свое правое плечо: осколок разорвал переднюю стенку бронежилета, пробил грудь выше соска и вышел через заднюю стенку «броника»...
Медик был один. Он вколол промедол Матвееву. В это время как раз подходили тылы армейцев, и майор кинулся туда искать медиков. А минометный обстрел продолжался, уже прилетело с десяток мин. Бойцы потащили раненого Матвеева. Про Бабакова забыли — не стонал он. Все терпел, крепился, но потом все-таки подал голос: «Командир, я ранен!» Глянули, а у него из-под руки кровь хлещет. Женщина-медичка увидела, что Матвеева перевязывают, кинулась к Виталику. Быстро срезали с него бронежилет, «снег», камуфляж. Врач наложил сразу два перевязочных пакета, вколол промедол. Виталик — ни слова...
Мы познакомились с Героем России Виталием Бабаковым в Чечне летом 95-го. В тот день он вернулся после долгого лечения в отряд, а уже на следующий — отправился в разведку под Гехи. Хоть и отговаривал его командир: «Ты, Виталик, свое отвоевал, сиди на базе, занимайся с бойцами».
Не сидится ему дома. Стал прапорщиком, экстерном закончил военное училище.

Сейчас уже лейтенант. Брата, отслужившего срочную в ракетчиках, сагитировал на контракт во внутренние войска.

* * *

Когда была учреждена медаль «Снайпер спецназа», «Братство «краповых беретов» «Витязь» вручило эту почетную награду под номером 1 лейтенанту Виталию Бабакову. В те три дня на переломе лет, о которых здесь было рассказано лишь вкратце, он начисто переиграл своих противников в страшной игре, ставка в которой выше не бывает, — жизнь. И не только своя. Жизнь товарищей, братишек...

Борис КАРПОВ
Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

ХАРАКТЕР: Раненый, но не сдавшийся

Слушая тихую неторопливую речь сидящего передо мной человека, я всячески старался отвести взгляд от страшных лиловых рубцов, перечеркнувших низ его живота. Не удавалось. Скальпель военного хирурга сохранил Алексею Ковылину жизнь. Пуля, прошедшая сквозь него, хотела эту жизнь отобрать. В пылающем Грозном августа 96-го ему везло несколько раз. Даже тогда, когда тяжело ранило. Повезло, что хватило боеприпасов отбиться от озверевших «духов», повезло, что из-под огня его, уже истекающего кровью, вытащили ребята, повезло, что остался жить. Главным везением сейчас стало бы для него возвращение на военную службу. Ковылина комиссовали из войск, признав не годным по трем статьям. После такого ранения не служат — был вердикт бумажных педантов. Чтобы Ковылин вернулся в войска, нужно личное разрешение главнокомандующего. Только он способен «нарушить» бумажные правила.

Алексей не сдается. Говорит, что будет бороться, добиваться, что очень хочет служить. Мне за этим оптимизмом почудилась легкая неуверенность. Хотя сломить человека, прошедшего ТАКОЕ, наверное, тяжело. Да и сдаваться Ковылин не умеет — не тому учат в спецназе. Но в том-то и коварство трясины бесконечных чиновничьих коридоров, что могут они поглотить любую надежду, любое терпение.

Ровно год назад в Чечне произошло то, что в средствах массовой информации получило нейтральное название «августовские события в Грозном». Не стоит, я думаю, объяснять, чем они стали для страны, чем они стали для войск, чем они стали для каждого, кто в них участвовал. Августовский «водораздел» размашистым росчерком поделил войну на две части. Так же, как и судьбу Ковылина, одного из многих. И предлоги «до» и «после» для него имеют теперь совершенно определенный смысл.

Я слушал его спокойный и размеренный рассказ о том, что было «до». И вопрос: «Что ж это у нас за Родина такая, если бросает детей своих, отдавших ради нее, ради долга, свое здоровье, а нередко и всего себя?» — все время мучил меня, когда я обращался к тому, что стало «после».

Бывший десантник, старшина Алексей Ковылин служил в части, охраняющей Калининскую атомную электростанцию. Во взводе спецназа. До тихого маленького городка энергетиков с красивым русским названием Удомля грохот боев в далекой Чечне доходил только по каналам телевидения. В части его тоже не ощущали — такова специфика службы, что на войну никого не посылали. Охрана мирного атома — тоже дело наисерьезнейшее. Каждый человек на счету. Но все же и этой части пришлось открыть чеченскую страничку своей истории.

Узнав о формирующейся в Москве 101-й бригаде внутренних войск, четверо парней подали рапорта о желании влиться в ее ряды. Одним из них был Ковылин. Рапорта удовлетворили. Дома у Алексея осталась беременная жена...

В Чечне Ковылин стал прапорщиком, командиром взвода спецназа — офицеров катастрофически не хватало. Война все время опережала на полшага... Некоторое время был старшим в охране комбрига. Мотался с ним повсюду, но чувствовал — это не для него. Не за этим приехал Ковылин на чеченскую землю. Несколько раз просил командира бригады отпустить на другую должность. Более боевую, благо возможности свои оценивал здраво. Знал, что будет от него больше пользы для бригады, для братишек, если займется боевой работой по-настоящему. Комбриг отпускать не торопился. Ценил.

В мае Алексею удалось уехать в отпуск, к жене — родилась дочь. Когда вернулся, все-таки сумел добиться перевода в разведывательно-штурмовую роту. Дело пошло, правда, не так быстро, как хотелось бы. Августовские события он встретил в таком вот промежуточном состоянии... В начале августа собрался в отпуск.

5 августа, вечером, Алексей вернулся с операции, сдал оружие, рацию. Отпускные

документы были полностью оформлены. Отъезд планировал на 6-7 августа...
Ранним утром 6-го Ковылина вызвал комбриг и поставил задачу выехать в МВД Чеченской республики.
Ситуация в министерстве была накалена до предела. Никто толком ничего не мог объяснить. Вскоре в городе началась стрельба. Министр тем временем выехал в аэропорт Северный. Алексей остался в распоряжении замминистра.
Рассвело. Улицы были пустынны. Стреляли уже совсем близко к зданию. Через некоторое время к Ковылину прибежал наблюдатель, доложил, что видит перемещение многочисленных вооруженных людей перед домом. Алексей принял решение открыть огонь по боевикам, пока те не успели закрепиться в соседних со зданием МВД домах, где у них могли быть заранее подготовлены боеприпасы, оружие, продукты.
К середине дня парни расстреляли весь боекомплект, взятый с собой. И пришлось бы им совсем туго, если бы не склад боеприпасов в самом министерстве.
Дальше боеприпасы старались экономить, расходовать только по конкретным целям. И расходовали удачно — несмотря на то, что здание находилось в плотном кольце чеченцев и порой расстояние между атакующими и оборонявшимися было всего лишь несколько десятков метров, взять «цитадель» с десятком защитников боевики так и не смогли. А защитники поняли, что надеяться можно только на себя. Помощи не было ни в первый, ни во второй, ни в последующие дни. В жарком августе 96-го в Грозном всем нашим было туго, но никто не сдался...
Говорит Алексей Ковылин:
— Шестого, после первой серьезной атаки, наступило временное затишье. Мне сказали, что вызывает замминистра. Фамилию его уже не помню, но мы его все называли Батя. Я подробно доложил ему свои соображения по дальнейшей обороне. У него оказался сотовый телефон и он позволил мне позвонить домой. Дозвонился маме на работу. А она уже все знает. По телевизору в новостях объявили о сложной обстановке в Грозном. Мама плачет, я ее пытаюсь успокоить, говорю, что уже числюсь в отпуске, что скоро приеду, что все нормально. Помню, разговор заканчивал уже на ходу, потому что начался обстрел. Мы с замминистра вышли во внутренний дворик. На противоположной стороне площади, в здании почтамта, закрепились «духи» и долбили по нам. Я очень волновался, чтобы мама не услышала выстрелов, трубку рукой прикрывал, старался разговор побыстрей закончить...
Боевики все еще не теряли надежды взять здание, где держались подчиненные Ковылина. Атака следовала за атакой. Хорошо, что тыл у ребят был прикрыт, — в стоявших недалеко от министерства зданиях ФСБ, Координационного центра и Доме правительства тоже находились наши.
Спасало еще и то, что перед домом протянулся бетонный забор с бойницами. Если бы его не было, огромные окна на первом этаже вряд ли стали хорошим укрытием для солдат.
Первые дни огненной круговерти в сплошном грохоте люди забыли об усталости. Не то что прилечь, присесть некогда было.
Оборонявшимся в здании МВД повезло. Связь со своими была. Один узел находился в самом министерстве (из него Алексею однажды в первые дни удалось связаться с бригадой), другой — в Координационном центре, но туда добраться оказалось сложнее: нужно было пробежать по улочке, обстреливаемой с двух сторон боевиками. Ковылин бегал, связывался со своими, докладывал обстановку на его «опорном пункте». В один из сеансов связи узнал, что в первый день боев на 13-м блокпосту погиб комбат и еще 27 человек, что вот уже несколько дней к ним не могут прорваться из бригады, забрать раненых и тела погибших. Узнал, что бригада полностью блокирована, что на площади Минутка тоже упорно бьются наши братишки. Об отпуске забыл напрочь, понял одно: уходить нельзя ни в коем случае. Хотя замминистра спрашивал Ковылина об отходе. 9-го августа, в один из самых трудных дней, когда уже казалось, что силы на исходе, Алексей отрубил: «Отходить не будем».
В подвале, куда частенько спускались «спецы», было много гражданских. Испуганно жались к стенам, оглушенные грохотом взрывов и автоматных очередей. Очень боялись, что ребята их оставят, уйдут, все не верили, что спецназовцы будут держаться. А бойцы

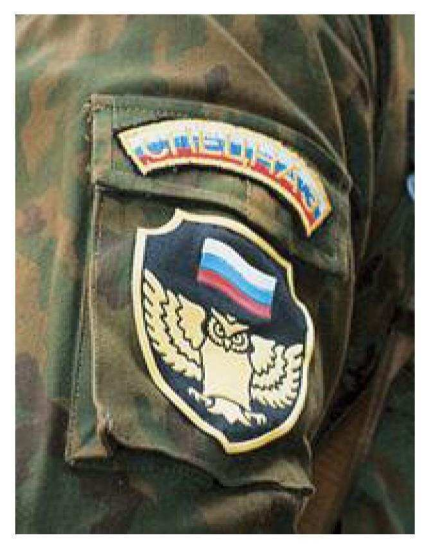
приносили в подвал добытую где-то тушенку, воду. Почти все отдавали детям, старикам, себе оставляя самую малость.
9-го, на четвертый день обороны, было очень тяжело. Ковылина сильно контузило. Своей же миной. Война есть война. С Координационного центра как-то сумели передать координаты оборонявшихся, и бригадные артиллеристы попытались помочь. Несколько раз мины удачно взорвались на почтамте, занятом боевиками. Потом разрывы стали приближаться к зданию МВД. Одна из мин ударила прямо в стену дома. Ковылин и еще несколько его ребят находились в приемной министра. Около окна со стороны улицы и прогремел взрыв. 80 сантиметров левее — и адская болванка разорвалась бы прямо в комнате с людьми. А так... Из окна вылетела железная решетка, приемную засыпало обломками кирпичей. Алексея швырнуло на землю. В красно-коричневом облаке кирпичной пыли засуетились ребята. Вытащили командира на улицу, начали отливать водой. Когда пришел в себя, увидел, что горит Дом правительства.
«Духи» подожгли его из двух «Шмелей». И так получилось, что по странной, почти невероятной случайности (а может, это вовсе и не случайность была), они попали в комнату, где хранились боеприпасы. Огонь, начавшись на верхних этажах, очень быстро — через каких-то полчаса — охватил все здание. Тот, кто успели его покинуть, прибежали к Ковылину и в Координационный центр. В обороне всего комплекса правительственных зданий получилась серьезная брешь.
Ночью к оборонявшимся в здании МВД прорвались два танка из 205-й бригады Министерства обороны России. Два из двадцати, шедших на прорыв. Но и это было хорошей подмогой. К сожалению, одна из машин села «брюхом» неподалеку на какой-то бетонный выступ и, дабы она не досталась боевикам, Ковылин расстрелял ее из гранатомета.
Говорит Алексей Ковылин:
— «Духи» постоянно кричали нам: «Сдавайтесь». Обещали жизнь солдатам, ну а офицерам и прапорщикам, естественно, нет. Мы не сдавались. Иногда они кричали, спрашивая, за что мы воюем. (Длинная пауза). За пацанов искалеченных, за убитых...
12-го, ближе к полудню, мои бойцы добыли где-то полведра воды. Я даже голову помыл, по пояс обмылся. Как заново родился. Опять был бой, потом к концу дня стало затихать. Я побежал на КЦ, чтобы связаться со своими, потому что уже дня два не выходил на связь. Меня ранило по дороге на последнем шаге, когда до ворот оставалось совсем чуть-чуть. Скорее всего работал снайпер. Пуля была крупного калибра. Прошла насквозь, пробила мне ногу, а на вылете руку, в которой держал автомат. Я ощутил сначала тупой удар, потом через секунду резкую боль, видимо, сразу задело нерв. Я лежал и ругался. Был уверен, что добьют. Место-то совсем открытое. Ползти не мог, нижняя часть тела онемела. Но двое бойцов вытащили меня. Уж не знаю, как это им удалось, тогда во мне было девяносто пять килограммов, а они ребята отнюдь не богатырского сложения. Сделали три укола промедола — не помогло, налили мне водки полкружки, ну и, видимо, от потери крови я отключился. Кровь остановить никак не получалось. Жгут не помогал. Пришлось напихать тампонов в дырки с двух сторон. Отнесли меня в подвал КЦ, где лежало много раненых.
В тот же день через пять часов мы своими силами прорвались на Ханкалу. Там находились раненые аж с первого дня. Погрузили нас в 131-й ЗИЛ, крытый тентом, и в сопровождение дали два БТРа и ребят — спецназовцев из отряда «Русь». По дороге убило водителя. Я лежал и ждал конца. Пули били по бортам, дорога была очень разбитой и на каждом ухабе боль просто пронзала.
Потом госпитальные койки — Владикавказ, Ростов, Москва.
Мама узнала, что я ранен, 16 августа. Выписали меня 10 февраля.
...Сейчас Алексею нужно перенести еще одну операцию. Заключительную. До этого ему их сделали уже десять. Пока он с мамой, женой, дочуркой Юленькой, которой уже полтора годика. С момента выписки съездил в родную 101-ю бригаду несколько раз. В первый раз его отправили в отпуск в надежде на то, что за это время вопрос о его дальнейшей службе решится положительно. Приехав в часть во второй раз, услышал, что оставить его не могут. Против ВВК не попрешь. Зато выплатили положенные деньги.

Хоть что-то, потому что страховку за ранение пока так и не получил. Бумажная карусель, в которой кружатся его документы, никак не может остановиться.
Ковылин как-то зашел в местный военкомат спросить, какие льготы положены ему как участнику боевых действий в Чеченской республике, как ему оформить пенсию по инвалидности. Но ничего вразумительного в ответ не услышал. Не правда ли, знакомая до боли ситуация?
Не положенные выплаты беспокоят Алексея больше всего. Главное для него — снова служить. И тут он наткнулся на крепостные стены людской черствости. Опять бумажка важнее человека. Конкретного, не абстрактного. Вот он, живой, с огромным багажом профессиональных навыков, стоит и говорит: «Возьмите меня». А в ответ: «Не имеем права». То, что сейчас он еще оправляется от ранения — не оправдание. С его упорством, желанием быть полезным Родине, с его закалкой он быстро встанет в строй.
Бывший комбриг 101-й, зайдя как-то в гости к нам, военным журналистам, из многих имен тех, с кем прошел пламя Чечни, вспомнил о своем «шефе» охраны. Об Алексее Ковылине. От него мы впервые услышали об этом парне. Комбриг сказал коротко (а его слово дорогого стоит): «Настоящий мужик!»
В своей бывшей части, из которой уходил в 101-ю бригаду, его тоже все помнят. От командира до обычного техника. Знают и о его желании служить. И рады видеть Алексея у себя. Даже «держат» несколько вакантных мест. Надеются, что в Москве его вопрос все же решится. Не верят, что такими людьми можно разбрасываться.

ОТ РЕДАКЦИИ. Судьба Алексея Ковылина не оставила равнодушым «Братство «краповых беретов» «Витязь». Руководство ассоциации взяло решение вопросов спецназовца под свой контроль. Хотелось, чтоб и во внутренних войсках его не вычеркнули из списков личного состава навсегда. «Братишка» еще вернется к судьбе Алексея.

Александр ЛЕБЕДЕВ

ПРОФЕССИОНАЛЫ: Серые дьяволы из отряда "Факел"

В начале 90-х по тюрьмам и колониям прокатилась волна стихийных выступлений. Все чаще и чаще захватывали заложников. Одной группы «Альфа» уже не стало хватать для утихомиривания заключенных. Поэтому в 1990 году было принято решение о создании по всей стране отрядов специального назначения в системе Главного управления исполнения наказаний МВД. Вскоре таких отрядов образовалось восемьдесят два. Днем рождения отряда специального назначения УИН ГУВД Московской области считается 31 мая 1991 года. Именно в этот день у существовавшего пока только на бумаге подразделения появился командир — Владимир Штаненко. Естественно, первой задачей было укомплектоваться. Штатная численность хоть и небольшая, но решили набирать только лучших из лучших.

— Из органов внутренних дел к нам пришли единицы, — рассказывает Владимир Штаненко. — Зарплата у нас и тогда была очень невысокая, а сейчас прямо-таки издевательская. Рядовой сотрудник сегодня получает всего 700 тысяч. Поэтому вся надежда была на фанатов спецназа. В милиции сотрудники, скажем так, более избалованные, и мы обратились к армии и внутренним войскам, что, как показало время, себя полностью оправдало.

На сегодняшний момент отряд до конца еще не укомплектован. Не так много достойных кандидатов, да и зарплата — не для слабонервных. Отбор очень жесткий. Как правило, потенциального кандидата приводит кто-то из спецназовцев и ручается за него. Потом претендент «обкатывается»: сдает «физо», рукопашный бой, проходит тестирование на интеллект и спецпроверку. В результате — бойцы в отряде как на подбор: высокие, широкоплечие, развитые во всех отношениях. Вообще приятно смотреть на людей, весь облик которых выражает уверенность, надежность. Это вам не желторотые мальчишки в погонах, тонкие, как «демократизаторы».

В то время, когда отряд создавался, сотрудникам выдали новейшее спецназовское оружие, спецсредства и средства связи. Вскоре появилось и первое задание государственной важности. После известных августовских событий 1991 года в «Матросской тишине» оказалась группа так называемых «гэкачепистов». Их охрану доверили спецназу ГУИНа, в том числе и подчиненным Штаненко. Справились.

Два последующих года отряд занимался выполнением своих непосредственных задач в системе ИТУ — освобождением заложников, пресечением массовых беспорядков, розыском и задержанием бежавших преступников, укреплением режима содержания лиц, заключенных под стражу.

— Тогда совершалось много побегов, — вспоминает Штаненко. — Сейчас уже столько не бегут. На мой взгляд, создание гуиновских отрядов спецназа стабилизировало обстановку в местах лишения свободы. Резко уменьшилось количество побегов, захвата заложников, тюремных бунтов. Но это произошло не сразу. Поначалу зеки проверяли нас. Приходилось и применять против них силу. Как только они поняли, что против спецназа у них кишка тонка, зауважали. Сейчас мы редко заглядываем в камеры. Как только приезжаем на плановую проверку в какую-нибудь колонию, там заключенные ведут себя суперспокойно. Хотя не обошлось и без потерь: при освобождении четырех человек, которых зеки взяли в заложники в санчасти колонии, геройски погиб командир Пензенского отряда спецназа майор Александр Сергеев. Ему посмертно присвоили звание Героя России.

Привлекался отряд и к мероприятиям по борьбе с преступностью, проводимым в городе и области. Например, работали по «зачистке» гостиницы «Москва», гоняли преступников в других злачных местах. В ходе этой работы выработали железное

правило: грамотно разработанная операция — залог жизни и здоровья людей. А это — главное. Как-то проводили операцию совместно с РУОПом. Нужно было взять в одном из кафе торговцев оружием. Руоповцы клялись, что план разработан на все сто — не сомневайтесь, ребята. Подскочили к зданию, ворвались внутрь, людей перепугали. Оказалось, что это кафетерий, а нужное кафе — в двадцати шагах. Преступников, естественно, там и след простыл. После этого, участвуя в совместных операциях, каждый раз требовали от коллег подробного плана.
В 1993 году спецназовцы решили, что пора бы придумать отряду какое-нибудь звучное название. Тем более, что гордиться уже было чем: на соревнованиях по рукопашному бою хоть и проиграли «Витязю» со счетом 3:4, но выглядели достойно. Подобный турнир с ОМОНом вообще выиграли всухую. Над названием думали недолго, зверей, всяких там тигров и барсов, оставили в покое. Выбрали «Факел»: отряд базируется в одной из промышленных зон Подмосковья, совсем рядом горит огромный факел — это и стало отправной точкой. Хотя совсем без живности не обошлось. Завели настоящую сову. Птица эта — официальная эмблема спецназа ГУИНа.
Тот год снова переполошил всю Россию: в октябре президентская коса нашла на камень Верховного Совета. Политика политикой, но когда раздались выстрелы и отряду поставили задачу задержать чересчур активного Александра Баркашова, никто из спецназовцев не сомневался. Они не горели желанием вникать в перипетии борьбы одной группировки власти с другой, но понимали, что России нужны спокойствие и порядок.

1994 год поначалу казался поспокойнее предыдущих. «Факел» выполнял все поставленные задачи и планомерно занимался повышением профессионального мастерства. Тогда упор в основном делался на рукопашный бой и огневую подготовку. И продолжалось это вплоть до 29 декабря.
— Поступила команда срочно собраться в Домодедово, — вспоминает командир отряда. — Приказ был прибыть с палками и со щитами. Как на разгон демонстрации. Приехали, встретились с нашими братишками из других отрядов. Потом к самолетам подвезли оружие. Но все равно мы еще считали предстоящую поездку легкой прогулкой, ведь в реальную обстановку нас никто не ввел. Кое-что поняли уже в Моздоке, когда подвезли «Мухи» и «Шмели», которых большинство из нас и в глаза не видели. Причем выдавали все прямо с машин, без всякой расписки: бери, сколько унесешь на себе. 31-го вышли из Моздока колонной. Где-то около Толстой-юрта притормозили — потерялась машина с рязанскими бойцами. Позывные еще были открытыми, и я вышел по рации: «Рязань»! Ответь «Факелу!» В ответ: «Мы ваш «Факел»... Всэх перерэжим». «Духи» уже слушали эфир. Потом как начали по нам долбить из минометов. Хорошо, что ребята не растерялись, быстро боевиков отогнали. Последние сомнения в серьезности ситуации улетучились, когда уже под Грозным встретили танк. Из люка вылез пьяный лейтенант. Его спросили: «Земляк, как там Грозный?» Тот ответил: «В люк посмотрите...» Внутри оказалось несколько окровавленных тел.
— Когда прибыли на место, на северную окраину города, — продолжает рассказ Штаненко, — там уже находилось несколько «крутых» спецподразделений. Не буду их называть, но они просто перепились и в честь Нового года выпустили весь боекомплект в воздух. Не захотели идти в город. Генерал Воробьев, царство ему небесное, вызвал нашего начальника генерал-лейтенанта Юрия Ивановича Калинина и спрашивает: «Твои-то хоть пойдут?» Мы пошли.

Майора Владимира Штаненко назначили командиром сводного отряда спецназа ГУИНа. Подогнали 10 «коробочек» с экипажами калачевской бригады внутренних войск. На каждую — по шесть человек десанта. 12 человек было от «Факела», остальные — туляки, москвичи, калужане. Вообще-то они должны были идти за разведбатом на «зачистку». Но в той неразберихе, которая царила в новогоднюю ночь в Грозном, разведчики куда-то подевались. Предположили, что они уже в городе. Двинулись вперед.
— Мы шли по Маяковской, потом свернули на Лермонтова, а основные силы боевиков сосредоточились на параллельной улице — Первомайской. Вошли спокойно, а потом — началось. Били по нам плотно со всех сторон. Один «дух» даже умудрился пулемет затащить на башенный кран, но его оттуда наши снайперы быстро сняли. В конце концов нам все-таки удалось расставить на улице свои посты. В ту страшную ночь, наверное, только у нас в городе не было ни одной потери. А разведбат зашел после нас через четыре часа и на одном из перекрестков у них в течение пяти минут боя погибло 15 человек. А ведь рядом с нами находились, наших никого не зацепило, а их... Молодые, горячие... На следующий день к нам должна была прийти смена, но уже не прорвалась. Через день «Градом» накрыло шестерых туляков из нашего отряда, все получили тяжелые ранения. А троих солдат, которые в бэтээре находились, насмерть долбануло.
Они сменяли друг друга на самых горячих направлениях в течение пятнадцати дней. Кто бился в Грозном в начале января 95-го, поймет, что это значит: пятнадцать дней в огне.
Именно бойцы «Факела» 13 января вывезли из горящего города членов семьи генерал-полковника Анатолия Шкирко, проживавших в Грозном.
— Их нашли в подвале полуразрушенного дома, — рассказывает Владимир Игоревич. — А у нас из машин была только бортовая, да и то там пленные на полу лежали. Но выхода не было, пришлось так и везти с «духами». Трудно представить, под каким прессом находился Шкирко, переживая за родственников. Наверняка, боевики искали их.
Спецназовцы «Факела» пробыли в Чечне до 20 февраля. За это время они успели зарекомендовать себя с самой лучшей стороны, о чем свидетельствует прозвище, которое им дали боевики — «Серые дьяволы» (серые — по цвету формы). Оценку боевым подвигам «Факела» дал Герой России Сергей Лысюк, после командировки вручивший 11 спецназовцам краповые береты за храбрость.
Следующая командировка в составе всего отряда продолжалась с 7 октября по 5 декабря 1995 года. В тот период в основном занимались охраной и сопровождением высокопоставленных чиновников из Москвы. Кроме того, пока существовал грозненский фильтропункт, небольшие группы из «Факела» постоянно на своем транспорте подвозили туда из Подмосковья боеприпасы, продовольствие и другую утварь. За всю войну у спецназа ГУИНа один погибший — сержант Толкунов из Новосибирского отряда. Он сопровождал машину, которая в центре Грозного попала в засаду. Бился до конца. Положил 9 «духов», а когда его нашли, на теле оказалось 12 ран.
После окончания чеченской эпопеи «Факел» полностью переключился на выполнение боевых задач в условиях мирной жизни. Совместно с «Альфой» участвовал в знаменитой операции по захвату сходки «воров в законе» в одной из центральных тюрем. Именно бойцы «Факела» привезли в Москву двух чеченских террористок, взорвавших вокзал в Пятигорске. Задача эта кажется элементарной лишь для непосвященных. Имелась информация, что их попытаются отбить. Поэтому везли, соблюдая все меры предосторожности: женщины не знали куда летят, зачем, даже то, что находятся в одном самолете.
Большое внимание уделяют в отряде и боевой учебе. В период войны жизнь заставила больше изучать тактику, а сейчас снова — рукопашка и спецупражнения. Хотя старые навыки тоже не забывают — кто знает, куда через месяц судьба забросит. О войне напоминает и БТР-80 — единственный в стране экспериментальный образец с

нависным оборудованием для защиты от камулятивных выстрелов.
Несколько раз проводились квалификационные испытания на право ношения крапового берета. Они мало чем отличаются от тех, что сдают во внутренних войсках.

— Мы советовались с Сергеем Ивановичем Лысюком, — рассказывает Штаненко. — И он сказал, что можно вносить в экзамен некоторые изменения с учетом специфики службы. Только с одним условием: изменения эти должны быть в сторону усложнения.

Сейчас в отряде 37 «краповых», почти столько, сколько награжденных боевыми наградами — 38 человек. Правда, больше двадцати сотрудников имеют по две-три награды.
— ГУИН в настоящее время передают в систему Министерства юстиции, и нам придется переодеваться в васильковые цвета, — с грустью в голосе говорит командир. — Краповые береты будем надевать лишь по праздникам. Во всем же остальном, возможно, это и неплохо. Если зарплату прибавят, то людей сохраним и сможем наконец полностью укомплектоваться. А так, есть уже первые потери, кое-кто в СОБР засобирался, где платят намного больше...
Сейчас стало модно рассуждать о криминальной революции, беспределе, творящемся в России. Многие винят в бездеятельности правоохранительные органы. И мало кто задумывается, каково это полунищим бойцам правопорядка ежедневно подставляться под бандитские пули. Победить преступность можно. Но при одном условии: на государственном уровне, как бы это ни было тяжело при нынешней экономической ситуации, создать нормальные условия (материальные, технические, юридические) для людей, стоящих на защите законности. Иначе — время фанатов спецназа скоро пройдет, уйдут самые преданные, самые лучшие...

P.S. Когда материал был уже готов к печати, пришла информация, что в следственном изоляторе Тулы заключенные захватили заложника. Работал местный гуиновский спецназ. Один из зеков убит, второй ранен. Заложник не пострадал.

Андрей РОДНОВ
Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА и Юрия ПЕРЕПОНОВА

ТРЕТИЙ ТОСТ: Я не Робин Гуд, я Руслан Дуканс

Старший лейтенант Попов спросил Владимира Фрицисовича, когда тот приехал в часть навестить своего сына: «Вы что, его всю жизнь для спецназа готовили?»
По всему выходит, что Руслан готовил себя к спецназу с ... шести лет. Сначала было плавание — для общего развития. Потом легкая атлетика — быстрота и ловкость. Занятия штангой влили силу в мышцы. Бокс научил грамотно бить и защищаться. А еще были шахматы — гимнастика ума.
К восемнадцати годам он не стал суперменом — просто сделался красавцем парнем, умеющим любить жизнь во всех ее проявлениях. Знал цену каждому дню, часу, минуте.
Кулинарное училище — лишь для смехачей объект шуточек, для Руслана — это постижение серьезной профессии. Он с юных лет привык делать полезную работу.
От латышских корней, от правильного семейного воспитания в нем были трудолюбие, аккуратность, вежливость и тактичность, мужская элегантность...
Едва команда новобранцев, в том числе семеро сочинцев, оказались в учебном центре, офицер в краповом берете указал на Руслана и его двоюродного брата Виталия: «Этих — ко мне!» Оба парня — по метру девяносто, плечистые. С первых дней только эти двое «молодых» тренировались со «стариками». Уже через три месяца командир сказал: «Можете сдавать на краповый берет». Через полгода поехали на Кавказ...
Когда родители других сочинских ребят, попавших на войну, узнали, что Дукансы едут в часть проведать сына, советовали показать пример в «спасении детей». Отец Руслана ответил коротко: «Мой сын дезертиром не станет, не так воспитан».
Они добирались до северо-осетинского поселка Чермен в волнении. Владикавказ уже был переполнен войсками — контраст с курортным Сочи был разительным. Комендант в Чермене, узнав, к кому приехали гости, сразу вызвался помочь: «Этих братьев у нас все знают — золотые парни! Мы их вам доставим! Вы пока в офицерской комнате поживете, а мои мужики с солдатами переночуют». В тех условиях это было особым знаком признательности...
Руслан и Виталий приехали с передовой чистенькими, бодрыми. И все равно Любовь Михайловна прослезилась... Отец, Владимир Фрицисович, старался держать нервы в кулаке. Он и сам срочную служил в оперативном полку внутренних войск, был с частью в Грозном в 1973 году, когда там случились массовые беспорядки. Но тогда войска, действуя от имени сильного государства, быстро и бескровно навели порядок. Нынче все по-другому и в государстве, и в Чечне...
Отдохнули братья пару дней на славу. Расставаться было нелегко. Уже на вокзале отец малость дал слабину, негромко и сбивчиво предложил сыну: «Руслан, ты свое в Чечне отвоевал, сколько месяцев уже там. Может, я переговорю с начальством, чтоб перевели тебя в другую часть, поближе к дому?» — «Да ты что, папа! А как же ребята, которые там остались?..»
Рота специального назначения ходила на серьезные задания: выбивали боевиков из Ассиновской, штурмовали Бамут. Так получилось, что первым раненым оказывал помощь Руслан. Делал искусственное дыхание товарищу, который уже не подавал признаков жизни. Ему говорили: «Все, Руслан, уже бесполезно!» А он никак не хотел верить в смерть друга: «Может, спасем еще!..» Вскоре сам получил контузию и осколок в бровь. Считал все это пустяками. После коротких передышек снова были бои...
В то холодное утро 10 апреля 1995 года спецназовцы прикрывали бойцов ОМОНа, прочесывающих селение Закан-Юрт. Накануне местные старейшины убеждали командование: «Не волнуйтесь, с нашей стороны не будет ни одного выстрела, мы договорились с боевиками, они ушли...»
Уже в конце улицы, когда спецназовцы оказались на открытой местности, им в спину

ударили несколько автоматов и АГС.
Граната разорвалась в метре от Руслана. Он, весь изорванный осколками, все-таки сумел скомандовать: «Отходите к бэтру!» Сам решил прикрыть: встал на колено, пустил по «духам» гранату из подствольника...
«Вертушки» пришли через пару минут. Виталий склонился над братом с флягой воды.
— Полей на грудь, жарко, — попросил Руслан и закашлял кровью. Потом на окровавленном лице промелькнуло подобие ободряющей улыбки. — Ниче-е! Через три дня — я с вами!
— Ладно, ладно, помолчи! — Виталий понимал, что сейчас он должен быть постоянно рядом с тяжелораненым братом. — Я полечу с тобой!
Но из санитарного вертолета его выгнал ротный: «Вылазь! Видишь — воевать некому!»

В госпитале Руслан умер. Виталий до сих пор верит, что будь он рядом, его удалось бы спасти...
Рядовой спецназа внутренних войск Руслан Дуканс оказался пятым сочинцем, погибшим в Чечне. Гроб хотели пронести на руках по главному в городе Курортному проспекту. Всполошилась милиция — в те апрельские дни на курорте, рядышком, пребывал Верховный. Матери, отцы, однополчане и одноклассники павших на Кавказе российских солдат грозились пойти демонстрацией на Бочаров ручей, на госдачу... Горькие слезы смывал с лиц весенний холодный дождь.
В комнате Руслана — иконы и свечи, портрет, краповый берет. Сюда приезжали его товарищи из Астрахани, Набережных Челнов, Краснодара, Ростова. На городском кладбище памятник — во весь рост: светлый человек — в мраморно-черном холоде. Православный крест, эмблема спецназа и строки солдатского поэта:
Кто видел смерть и кровь друзей,
Соленый пот, усталость глаз,
Тот знает нас.
Мы называемся — спецназ.

Фамилия Дуканс есть и на памятнике в Краснодаре, и в дивизии оперативного назначения, где он служил...
Однажды, еще до службы, он вступился за девчонку, к которой на дискотеке пристали подвыпившие гуляки. Врезал им, но... сыр-бор, милиция, протокол.
Дежурный в отделении, видя перед собой трезвого и разумного парня, удивленно спросил: «А тебе оно надо было? Ты что, Робин Гуд?»
Ответ был короткий, с достоинством: «Я не Робин Гуд, я — Руслан Дуканс».

Борис КАРПОВ
Фото автора и из архива семьи Дуканс

ПЕСНЯ ДЛЯ БРАТИШЕК: Сан Саныч слово держит

— Так вы и есть тот самый Чикунов?! — генералу не удалось скрыть своего радостного удивления. Он вышел из-за стола, чтобы пожать полковнику руку, чувства настолько его переполняли, что он крепко обнял гостя, по-товарищески похлопал его по плечу.
— Какой тот самый? — удивился в свою очередь Сан Саныч.
— Ну тот, который на кассете с «чеченскими» песнями.
— Да, — проговорил офицер, — вроде того...
Такое у него присловье — «вроде того».
Встреча та случилась недавно в Санкт-Петербурге — начальник ГУВД генерал-майор Анатолий Пониделко радушно принимал участников и гостей фестиваля «Милосердие белых ночей».
Гостей было много, только участников конкурса авторской песни — тридцать человек. Сотрудники органов внутренних дел уже прошли строгий отбор на своем фестивале в Казани, то есть в Питер приехали самые-самые. Из внутренних войск было всего трое. Но зато какие! Из шести лауреатских дипломов взяли два. Правда, те, кто знает полковника Александра Чикунова и сержанта Марианну Захарову, ничуть не сомневались, что они получат на конкурсе дипломы.
Сан Санычу из-за его страшной служебной загруженности редко выпадает возможность выступить перед любителями авторской песни. Но уж если берет он в руки гитару, то бередит душу до слез. Выступал в госпиталях — во Владикавказском и Главном клиническом внутренних войск, пел в престижном зале Центрального дома литераторов, в частях Московского гарнизона, в военных училищах. Кассета «Ты изменила нас, война», на которой представлены три войсковых барда — полковник А.Чикунов, сержант М.Захарова и подполковник В.Молоканов, во внутренних войсках нарасхват. Уже ходят по всему СНГ пиратские копии, уже записывают услышанные песни на свой лад другие авторы. Сан Саныча знают по его работам и говорят: «Это тот, который написал «Госпиталя», «Родина, не предавай меня!», «Ханкала»...» Причем, знают его творчество не только благодарные и отзывчивые войсковые слушатели, но и те, кто прошел теми же дорогами, что и он — Фергана, Карабах, Осетия, Ингушетия, Чечня.
Поэт-песенник Михаил Танич пригласил офицера на свой фестиваль «Песня на воле». Казалось бы, тюремно-лесоповальная тематика должна была отпугнуть. Но Сан Саныча на испуг не возьмешь — не только согласился выступить, но и покорил всех своими текстами и исполнением. Облагородил своим участием концерт, получил два диплома. Его заинтересованно слушали Булат Окуджава, Александр Городницкий, Юрий Шевчук и Александр Розенбаум. И не просто хвалили, но вполне на равных, как коллеги, обсуждали творчество военного исполнителя. Так приходят популярность, признание, авторитет.
Как боевой офицер и как автор-исполнитель своих песен он честолюбив без тщеславия. Никогда не гонится за наградами — они сами приходят с годами. У него богатая событиями походная судьба. В подтверждение — два боевых ордена: советский «За личное мужество» и российский орден Мужества. Еще — два «кавказских креста», «За отличие в службе» I степени вручил ему генерал Анатолий Романов, причем — одному из первых в войсках. Приложение к наградам — пять нашивок за ранения и контузии. Дипломов за гитарно-песенное творчество тоже собралось изрядно. И они не за здорово живешь получены...
Каждую свою новую песню он долго вынашивает, прежде чем ее услышит публика. Поначалу «обкатывает» в тесном кругу боевых друзей. Знает, что эти первые слушатели — самые строгие и самые справедливые, они не простят фальши, но охотно помогут найти верное слово в тексте, нужную тональность в мелодии. Сан Саныч знает, чей опыт, чей чуткий слух, чье сердце поможет создать законченное неповторимое

произведение. Прислушается. Потом они замучают Сан Саныча просьбами спеть ту самую «вещь». И в ...надцатый раз он возьмет гитару, подаренную ему во владикавказском госпитале, где лежал после контузии зимой 95-го, огладит ладонью ее плавные линии, вглядится в нацарапанные на лакированной, но уже изрядно вытертой в походах, в трещинах-шрамах гитарной деке автографы друзей — Героя России капитана морпехов Полковникова, войскового разведчика старлея Вовченко, комбрига полковника Денисова, солдата ВДВ Жильцова... «Когда-нибудь встретимся!» — нацарапано категорично. С кем-то встречаются, а вот с генералом Скобелевым уже не придется — трагически погиб на Кавказе...
Поет Сан Саныч о павших, поет для живых, поет в День Победы и в чью-то скорбную годовщину. Пишет новые песни — на стихи погибшего в Чечне военного журналиста Анатолия Ягодина, например. А когда увидел первый номер журнала «Братишка», пообещал: «Напишу про братишек. Но не сразу — обмозговать, вроде того, надо». Сдержал свое обещание Сан Саныч.

Братишка, браток

— Как называть вас теперь,
Тех, кто под пулями был.
Кто, опьянев от потерь,
Рядом со смертью ходил.
Снится опять и опять
Этот закат на крови.
Как вас теперь называть?

— Братьями нас назови.
Не привыкли мы к одиночеству.
Намекни о нас между строк.
Не по имени, не по отчеству.
Можно просто — братишка, браток.

— Как вас теперь называть,
Тех, кто прошел этот ад.
Может, иным не понять,
Что виноват не солдат.
Снятся опять и опять
Эти свинцовые сны.
Как вас теперь называть,
Тех, кто вернулся с войны?

Братству ты нашему не изменил
И оставил последний глоток.
— Называй меня не по имени,
А как прежде — братишка, браток.

— Как вас теперь называть,
Тех, кто остались в плену?
Память нельзя оборвать,
Совесть нельзя обмануть.
Вас победить не смогли,
Проще предать и продать.
Дети российской земли,
Как вас теперь называть?

Ах как хочется, очень хочется
Этой горной воды хоть глоток.

— Не по имени, не по отчеству,
А как надо — братишка, браток.

— Как вас теперь называть,
Кто не вернулся с войны?
Вас никому не обнять,
Братья, мужья и сыны.
Павшие не поют,
Третьим тостом — помолчим.
Тем, кто остался в бою,
Память свою отдадим.

По приказу ли, по призванию
Мы свое всегда отстоим,
Не по должности, не по званию,
Вы военные братья мои.

Полковник Александр ЧИКУНОВ, февраль 1997 г.

Борис КАРПОВ
Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА